

Особенности образа тела у детей дошкольного возраста, воспитывающихся без отца в различные периоды детства

Н. М. Горшкова*,
аспирант кафедры детской и семейной психотерапии Московского городского психолого-педагогического университета

Е. В. Филиппова**,
кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой детской и семейной психотерапии факультета психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета

В статье рассматривается влияние отцовской депривации разной длительности на формирование образа тела детей старшего дошкольного возраста. Представлены результаты сравнительного анализа образа тела детей из полных семей, детей, воспитывающихся только матерью (с рождения без отца), детей, проживающих только до трех лет с отцом и матерью (разведенные семьи), детей до трех лет, проживающих только с матерью без отца (а затем с отчимом), и детей, воспитывающихся без родителей на протяжении всего детства (воспитанники детских домов). Описываются выявленные особенности образа тела и образа-Я детей из разных типов семей. Показана специфичность влияния периода, в течение которого ребенок воспитывался без отца, на образ тела ребенка. Результаты могут быть использованы при разработке программ консультативной и коррекционной помощи семьям и детям в целях снижения травматического влияния отцовской депривации на образ-Я детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: образ тела, телесные границы, фигура отца, отцовская депривация, возрастные периоды развития.

В последние годы в связи с трансформациями, которые претерпевает институт семьи, все больший интерес у исследователей вызывает фигура отца, его роль в психическом развитии ребенка, новые модели отцов-

ства, исследуется влияние отцовской позиции на развитие личности самого мужчины и т. д. Однако наряду с тем, что значимость отца в жизни ребенка находит все больше научных подтверждений, в реальной жизни продвиже-

---

*gor_nm@mail.ru

**e.v.filippova@mail.ru

ния в осмыслении роли отца не столь заметны – количество разводов не снижается, количество высококонфликтных разводов растет, по-прежнему чрезвычайно высоко число детей, оставленных в родильных домах, детей, оставшихся без попечения родителей, социальных сирот. Именно поэтому, на наш взгляд, конкретные эмпирические исследования последствий отсутствия отца в жизни ребенка не теряют своей актуальности.

Работы, направленные на изучение роли отца в развитии ребенка, появившиеся в последние годы, показывают влияние отца на социальное, эмоциональное, познавательное развитие детей, формирование полоролевой идентичности, образа Я, отношения к будущему и т. д. (О. Г. Калина, А. Б. Холмогорова [13], Ю. В. Евсеенкова [11], Е. В. Филиппова, Е. В. Туманова [21], Г. Г. Зубова [12] и др.). Однако практически неисследованной остается роль отца в формировании образа телесного Я. В первую очередь это относится к раннему и дошкольному детству, а ведь именно в «до»школьном возрасте происходит формирование основ построения телесного образа. Мы имеем в виду именно эмпирические, достаточно масштабные исследования, а не анализ случаев, которые все-таки можно встретить [2].

Целью настоящей работы является выявление особенностей образа тела детей дошкольного возраста (телесное Я; образ тела и образ телесного Я мы используем как синонимы), воспитывающихся в условиях отцовской депривации разной длительности, т. е. без отца или замещающей его фигуры в различные периоды жизни от рождения до 6 лет, в сравнении с их сверстниками, живущими в полных семьях.

Как известно, первыми привлекли внимание к роли отца в психическом развитии представители психоаналитического направления. Так, для З. Фрейда именно эдипальный отец является главной фигурой, влияющей на развитие ребенка [24]. Для Ж. Лакана отец – это фигура, от которой исходит запрет, он вмешивается в воображаемую связь между матерью и ребенком, предотвращает замыкание отношений ребенка только на матери [16]. В рамках теории объектных отношений, где внима-

ние было смещено на взаимодействие в диаде «мать-ребенок», отец также рассматривается как фигура, стимулирующая раннюю исследовательскую активность ребенка и защищающая его от симбиотической связи с матерью [13; 17].

Образ тела является одним из компонентов образа-Я. Он является базисом, на котором разворачивается дальнейшее развитие Я-концепции. Глобальная функция «образа тела» – функция отделения Я от внешнего мира. Четкое отделение Я от не-Я считается основным признаком актуального сознательного состояния личности, началом ее развития. Без выделения образа тела и его отграничения от образа объективной ситуации ребенок не может успешно адаптироваться к среде [4].

Представления о телесности и образе тела развивались, прежде всего, в русле психоаналитического направления (А. Фрейд, М. Кляйн, Д. Винникотт, М. Малер, У. Р. Бион, Ф. Дольто [23; 14; 9; 17; 7; 10] и др.), в отечественной психологии проблеме телесности посвящены работы Е. Т. Соколовой, Г. А. Ариной, В. В. Николаевой, А. Ш. Тхостова, В. С. Мухиной, Н. В. Коваленко [17; 1; 22; 18; 15] и др. Несмотря на принципиальные различия в исходных представлениях о психическом развитии, оба направления решающую роль в формировании телесности отводят взаимодействию и эмоциональной коммуникации ребенка с родительскими фигурами.

Анализ исследований образа тела и его связи с Я-концепцией в зарубежной клинической психологии, проведенный Е. Т. Соколовой, позволил ей выделить среди них три направления. Каждое из них определяет в качестве основания одну из характеристик телесного опыта: это хранилище, обладающее более или менее субъективными границами; внешность (здесь выделяется либо эмоциональное отношение к собственной внешности, либо когнитивный компонент); носитель символических значений [19]. Следует отметить, что отношение между терминами, используемыми в литературе при описании различных сторон телесности, является само по себе сложной проблемой. Продуктивный анализ этой проблемы тоже отражен в работе

Е. Т. Соколовой. В своей работе «образ тела» мы рассматриваем как результат осознанного и неосознанного психического отражения своего тела, его психическую репрезентацию [19]. Схема тела понимается как часть образа тела, она связана с органической основой, является моделью соматических ощущений. Схема тела определяется работой проприоцепции, это фундаментальный уровень телесного переживания.

Как отмечает Р. Бернс, формирование представлений о собственном теле может начинаться уже в период внутриутробного развития. По его мнению, на структуру образа тела влияют: [51) реальное субъективное внешнее восприятие тела с точки зрения функциональной способности в целом; 2) интериоризованные психологические факторы, возникающие в связи с эмоциональными переживаниями и различными жизненными ситуациями индивида; 3) социологические факторы-реакции окружающих на индивида и его интерпретация этих реакций; 4) идеальный образ тела, суммирующий отношение индивида к своему телу, возникающий в результате конкретных наблюдений, сравнений и отождествлений с телесными качествами других людей.

Одной из центральных составляющих образа тела является граница телесности. С. Фишер и С. Кливленд в исследованиях «границ образа тела» определяли их как совокупность представлений субъекта о своей телесной ограниченности и локализованности в пространстве внешнего мира (приводим по: [3]). «Я» ощущает себя имеющим местонахождение внутри тела. Телесная граница подчеркивает осознание субъектом собственной изолированности от внешних не-Я объектов, является средством защиты от окружающей среды и защищает «Я» от «посягательств». Дефицит ясной представленности границ тела и, соответственно, чувства защищенности Я от посягательств внешней среды препятствует качественной интеграции личности, формированию полноценного образа Я.

Как и другие психические функции, образ тела изменяется в процессе развития ребенка. Этапы формирования образа тела разворачиваются в онтогенезе постепенно и име-

ют, с нашей точки зрения, следующие сензитивные периоды. Мы предполагаем, что для схемы тела – это младенческий и ранний возраст; контроль за телесными функциями начинает формироваться в раннем возрасте; границы тела – в раннем и дошкольном возрасте; для полоролевой идентичности сензитивными являются ранний, дошкольный и подростковый возрасты; осознанное отношение к функциональным возможностям тела формируется в школьном периоде; осознание отношения к своему телу и эстетическое отношение к нему формируется в подростковом возрасте. Эти периоды по-разному чувствительны к влиянию отца.

Младенческий возраст является начальным этапом развития образа тела, центральными здесь являются ощущения, получаемые ребенком посредством телесного контакта с миром и с матерью. Выделение себя, своего тела (*соматической границы «Я»*) происходит постепенно, благодаря отзеркаливающей и контенирующей роли матери в отношении ребенка (Д. Винникотт, М. Малер и др.). Одной из основных функций отца на данном этапе является поддержание психологического комфорта матери, он влияет на формирование телесности ребенка опосредованно, через психическое состояние матери [13; 26; 27].

Ранний возраст – возраст отделения ребенка от матери и укрепления границ физического Я, в это время все большую роль начинает играть отец. Именно в данном возрасте происходит первичная триангуляция – формирование системы «отец-мать-ребенок». Правда, современные экспериментальные исследования семейного взаимодействия показывают, что триадические отношения складываются уже на первом году жизни (Е. Fivaz-Depeursinge, F. Frascarolo и др.). Центральная задача отца при переходе к раннему возрасту – разрушить симбиотическое единство матери и ребенка. Отец появляется как третий объект в отношениях с ребенком, он поддерживает агрессивные импульсы ребенка, смещая их с матери на себя, что помогает ребенку легче пережить потерю особых первичных отношений с матерью и способствует сепарации и индивидуации ребенка. Исследования по-

казали, что отцы привносят новые, дистантные формы взаимодействия с ребенком, они склонны играть со своими детьми более активно и на физическом уровне. Благодаря стимулирующему воздействию физических игр в 12–18 месяцев ребенок начинает лучше осознавать части своего тела и телесное Я, расположение тела в пространстве. Отец выступает также в качестве еще одной отзеркаливающей фигуры, что способствует формированию образа-Я.

Дошкольный возраст, по-видимому, является возрастом, в котором завершается первый этап формирования телесных границ. В дальнейшем развитие телесных границ идет по линии их совершенствования, повышения их чувствительности, адекватности, адаптивности. Важным условием телесного развития остается близкий взрослый, который эмоционально поддерживает ребенка, вселяет в него уверенность, развивает его самооценку. Этот возраст – центральный в процессе формирования половозрастной идентичности, которая происходит в процессе идентификации с родителем своего пола. Присутствие отца в этот период обеспечивает нормальный процесс идентификации с мужской фигурой у мальчиков, формирование женственности у девочек. Помимо этого, отец выполняет функцию социального контроля и является носителем требований, дисциплины и санкций [4]. В этом возрасте на развитие телесности начинает активно влиять взаимодействие со сверстниками.

Младший школьный возраст – это возраст формирования самоконтроля двигательной активности и оценки и сравнения себя с другими с точки зрения их ловкости, физических навыков. На данном этапе формируется отношение к функциональным возможностям своего тела, к телу как к средству самоутверждения. В этот период отец выступает не только как носитель требований и дисциплины, но и как образец мужских умений, носитель способов действий, относящихся к мужской культуре, он «умеющий», «помогающий», «знающий».

Подростковый возраст – это возраст мощнейших физиологических, телесных и психологических изменений, перестройки со-

циальных отношений. Прежде всего, это обретение полоролевой идентичности. В этом процессе именно отец оказывается фигурой, влияющей на обретение маскулинности мальчиками и женственности девочками. Новообразованием этого возраста является чувство взрослости, которое проявляется и во внешнем облике, на первый план выходит эстетическая функция – сравнение себя, своей внешности с неким эталоном. Задача подросткового возраста амбивалентна – это и психологическое отделение от родительских фигур и идентификация с родителями своего пола [24].

Таким образом, на формирование телесности влияет множество факторов, среди которых взаимодействие с родительскими фигурами, и в частности с отцом, являются определяющими.

Перейдем теперь к описанию предпринятого нами исследования.

В исследовании приняли участие 214 детей старшего дошкольного возраста. Исследуемую группу (ИГ1) составили 140 детей, имеющих разный опыт воспитания без отца: 54 ребенка, воспитывающихся с рождения и до 6 лет без отца, только матерью (подгруппа МО); 50 детей, воспитывающихся до трех лет и матерью и отцом, а затем, после развода родителей, только матерью (подгруппа РС); 36 детей, воспитывающихся от рождения до трех лет без отца, а затем, после замужества матери, матерью и отчимом (подгруппа ОТЧ). Нами была также подобрана вторая исследуемая группа (ИГ2), включающая детей, воспитывающихся в детских домах с младенческого возраста (т. е. без матери и без отца с рождения), которую составили 24 ребенка. Группу сравнения составили 50 детей из полных семей с родными родителями (контрольная группа – КГ).

Мы предположили, что образ тела у детей, воспитывающихся в условиях отцовской «депривации», с большой вероятностью может отличаться от образа тела детей из полных семей. Мы предположили также, что особенности образа тела зависят как от длительности депривации отцовского влияния, так и от периода развития, на который приходится этот опыт. Данные особенности могут про-

явиться и в искажении телесных границ, их несформированности, в нарушении половозрастной идентичности, в низкой дифференцированности образа тела, неустойчивости телесной координации. Вероятно, можно предположить, что у детей, воспитывающихся без отца с рождения, искажения в восприятии образа тела наиболее выражены.

В исследовании были использованы : «Рисунок человека» (К. Маховер), «Половозрастная идентификация» (Н.Л. Белопольская), «Тест геометрических фигур» (Д.А. Бескова, А.Ш. Тхостов), «Гомункулус» (А.В. Семенович), «Метаморфозы» (интерпретация ассоциаций проводилась по схеме С.Фишера), «Три дерева» (Э. Клессманн), «Рисунк семьи».

Важно заметить, что до начала основного этапа работы с детьми группы ИГ1 и контрольной группы было проведено исследование пространственного праксиса (проба Хеда), тактильных и соматогностических функций (локализация прикосновений, пробы Тойбера, Ферстера, называние частей тела и др.). Все пробы выполнялись детьми правильно, различий между группами не оказалось, что может говорить об отсутствии у этих детей нарушений на уровне «схемы тела».

Данные, полученные в ходе исследования, были подвергнуты качественному и количественному анализу. В ходе анализа были применены два способа обработки результатов: дихотомический (наличие или отсутствие того или иного выделенного признака) и количественный (присвоение баллов по каждому параметру). Обработка результатов проводилась при помощи статистического пакета SPSS. Для проверки значимости различий использовались критерий Манна-Уитни (для порядковых шкал и шкал отношений) и критерий χ^2 Пирсона (для номинативных шкал). Также были проведены: корреляционный анализ по Спирмену, факторный анализ, номинальный регрессионный анализ (НРА), применена процедура CHAID.

Опишем особенности образа тела, выявленные на основании статистически значимых различий между группами по перечисленным методикам. Сразу заметим, что по всем методикам были получены значимые от-

личия как между исследуемыми и контрольной группами, так и внутри исследуемой группы ИГ1 (в зависимости от того, на какой период пришлось воспитание без отца).

Методика «Рисунок человека».

Сравнение групп ИГ1 и КГ показало статистически значимые различия по параметрам: рисунок меньше 1/6 листа, толстая жирная линия, слабая прорисовка кистей рук и отсутствие шеи, фигура противоположного себе пола ($p < 0.01$). Это может свидетельствовать о том, что для детей группы ИГ1 характерна низкая самооценка, отсутствует ощущение опоры, уверенности, имеются нарушения в сфере общения.

Значимые отличия были получены также при сравнении результатов ИГ1 и КГ по обобщенному параметру «дифференцированность образа тела», который отражает одновременно и способ изображения и число имеющихся основных и второстепенных деталей. Для оценки этого показателя мы использовали количественный анализ рисунка человека [8]. Проведенный анализ показал, что рисунки детей исследуемой группы менее дифференцированы, т. е. дети этой группы изображают меньше частей тела, чем рисунки детей контрольной группы ($p < 0.01$).

Следует отметить, что рисунки детей подгруппы «мать-одиночка» (МО) в сравнении с рисунками детей группы КГ асимметричны, фигура наклонена, отсутствует шея, кисти рук, ступни прорисованы слабо, размер фигур маленький, контур прерывистый или с нажимом ($p < 0.05$).

Сравнение внутри исследуемой группы ИГ1 подгруппы МО с РС и ОТЧ показало, что для рисунков детей, воспитывающихся только матерью (МО), характерны нарушение симметрии в изображении человека, отсутствие шеи, а также нечеткая паутинообразная линия контура. Часто в рисунках детей данной группы возраст персонажа младше возраста автора, пол персонажа противоположен полу автора рисунка. Это может говорить о том, что у детей подгруппы МО нарушена регуляция телесных функций, слабо выражены телесные границы, нарушена возрастная и половая идентификация. В рисунках детей из подгруппы РС значимо чаще

(по сравнению с подгруппой МО) встречается слабая прорисованность ступней, т. е. отсутствует ощущение опоры, а также дети из разведенных семей (РС) чаще (чем дети подгруппы ОТЧ) изображают человека противоположного себе пола, что свидетельствует о нарушении половой идентификации. В свою очередь, у детей подгруппы ОТЧ (семьи с отчимом) чаще отсутствует шея в рисунке человека, т. е. нарушена регуляция телесных функций. (Различия представленных признаков значимы при $p < 0,05$.)

Результаты, полученные по методике «Гомункулус», показали статистически значимые различия между группами ИГ1 и КГ по следующим параметрам: выход при раскрашивании за границы рисунка, разноцветные руки, отсутствие лица, заштриховка фигуры одним цветом, сильный нажим, а также по параметру «акцентуации внутреннего тела» (сумма показателей перечисленных негативных параметров) ($p < 0,05$). Вероятно, телесные границы детей группы ИГ1 представлены более слабо, они проницаемы, интероцептивные ощущения у них ослаблены, что говорит об их слабой чувствительности к ощущениям «внутреннего тела» [25].

Интересно, что дети подгруппы МО чаще, чем дети из полных семей, обозначали зону гениталий, прорисовывая нижнее белье или затемняя данную зону с сильным нажимом ($p < 0,05$).

Рассмотрим теперь результаты сравнения внутри исследуемой группы ИГ1, т. е. между подгруппами МО, РС и ОТЧ. Оказалось, что дети, воспитываемые только матерью (МО), значимо чаще, чем дети других подгрупп, рисуют пятно на теле, используют крупные штрихи, от детей из разведенных семей (РС) их отличает еще и обозначение зоны гениталий, выход за контур рисунка, заштриховка фигуры одним цветом и отсутствие лица ($p < 0,01$). То есть детям подгруппы МО в большей степени свойственна неустойчивость, проницаемость телесной границы, слабое восприятие телесных ощущений, акцентуация половой сферы.

Сравнение подгрупп РС и ОТЧ показало, что значимо чаще такие признаки как «перевязка на горле», т. е. трудности в выражении

чувств и эмоций, и «нераскрашенная часть» встречаются в подгруппе РС, а «выход за контур тела», т. е. нарушение границ, чаще встречается в подгруппе ОТЧ ($p < 0,05$).

Сравнение групп ИГ1 и КГ по методике «Тест геометрических фигур» показало, что у большинства детей исследуемой группы ИГ1 телесные границы не сформированы и менее устойчивы, у них чаще встречается нарушение целостности телесной границы ($p < 0,01$). Они часто прибегают к стратегии избегания, в то время как для КГ характерна более активная стратегия построения контакта с миром ($p < 0,05$).

Сравнение подгрупп внутри группы ИГ1 показало, что и дети из разведенных семей (РС) и дети подгруппы ОТЧ чаще на первые позиции ставили фигуры с разомкнутым контуром, т. е. целостность границ у них нарушена, в отличие от детей, воспитываемых только матерью (МО) ($p < 0,05$). При этом дети, проживающие с отчимом (ОТЧ), в отличие от детей подгруппы РС, предпочитали фигуры с несформированной, неустойчивой границей ($p < 0,05$).

Методика «Метаморфозы» была использована для оценки уровня барьерности и проницаемости телесной границы. Ребенку предлагалось выбрать, в какое животное, растение, мебель и одежду он хотел бы превратиться, а в какое нет. Для оценки качества барьерности и проницаемости мы использовали схему, предложенную С. Фишером. Показателями барьерности по Фишеру являются ссылки на покров, маскировку, границы, на все, что обладает качеством поверхности (пушистый, колючий и т. д.), показателями проницаемости являются все ссылки на факт разрушения, поврежденности объекта, его уязвимости, неопределенные в своих границах образы и др. [3].

Сравнение групп ИГ1 и КГ показало, что дети группы ИГ1 значимо чаще отвергали, не принимали животных, растения, предметы мебели, одежды с признаками высокой барьерности границ, чем дети контрольной группы. При отвержении они, как правило, подчеркивали барьерную функцию предмета, например: «Я не хочу быть похожим на ёлку, потому что она колючая», «Я не хочу быть похо-

жим на дверь, потому что она глухая» и т. п. ($p < 0.01$).

При сравнении *внутри исследуемой группы ИГ1* оказалось, что дети, воспитывающиеся только матерью (МО), чаще, чем дети, проживавшие с отцом или отчимом хотя бы в какой-то период (подгруппы РС, ОТЧ), выбирают в качестве желательных образы с выраженной проницаемостью границ ($p < 0.05$), а в качестве нежелательных – образы с выраженной барьерностью ($p < 0.01$). То есть для детей подгруппы МО характерна недостаточная защита от внешних и внутренних стимулов, повышенная восприимчивость к собственной уязвимости.

Анализ результатов по методике «**Половозрастная идентификация**» проводился по параметрам: возрастная идентификационная последовательность, актуальный возраст. Оказалось, что наиболее выраженные нарушения возрастной идентификационной последовательности, по сравнению с детьми контрольной группы, наблюдаются в группах «мать-одиночка» (МО), «семья с отчимом» (ОТЧ), т. е. у детей, воспитывающихся без отца в младенческом и раннем возрасте. Внутри исследуемой группы ИГ1 статистически значимых различий между подгруппами не обнаружено.

Также были получены статистически значимые различия по методикам «Рисунок семьи» (между группами ИГ1 и КГ, а также отличия МО и РС и ОТЧ) и «Три дерева», которые подтверждают закономерности, выявленные другими методиками. К сожалению, рамки статьи не позволяют остановиться на них более подробно. Отметим лишь, что наиболее интересными оказались различия в деревьях, с которыми ребенок идентифицирует себя. Так, дети, проживающие с отчимом (ОТЧ), чаще сравнивали себя с засохшим деревом, с деревом с обрубленными ветвями, они реже идентифицировали себя с Я-фигурой и т. д. Дети подгруппы МО чаще сравнивали себя с несуществующими деревьями (волшебным, конфетным) ($p < 0.05$).

Результаты проведенного **корреляционного анализа r-Спирмена** выявили связь восприятия семейной ситуации с особенностями телесной границы и дифференциро-

ванностью образа тела, а также проницаемости телесной границы с акцентуацией внутреннего тела. Кроме того, была выявлена связь между дифференцированностью образа тела и проницаемостью телесной границы и устойчивой возрастной идентификацией.

Для анализа связей и взаимоотношений между параметрами был применен **метод главных компонент** с последующим Varimax-вращением (по данным групп ИГ1 и КГ), в результате которого были выделены три главных компонента, объясняющих 71 % суммарной наблюдаемой дисперсии. Первый главный компонент F1 – «*устойчивость телесной границы*» – представляет 17,7 % указанной дисперсии признаков и обусловливается такими характеристиками как устойчивость (факторная нагрузка ,922) и целостность (.879), отражающими особенности телесной границы. Вторым главным компонентом F2 – «*восприятие семейной ситуации*» – представляет 13,4 % указанной дисперсии признаков и обусловливается такими характеристиками как благоприятная атмосфера в семье (-,520), конфликтность в семье (.530), враждебность в семье (.792), тревожность в семье (.522), неблагоприятная атмосфера в семье (.949), отражающими особенности внутрисемейной ситуации и ощущение ребенком своего положения в семье. Третий главный компонент F3 – «*особенности образа Я*» – представляет 9,4 % указанной дисперсии и обусловливается такими характеристиками как половозрастная идентификация (.601), дифференцированность образа тела (.565), чувство неполноценности в семье (-,670). Различия по факторным переменным между детьми исследуемых групп показали, что в группе КГ больше выражен компонент F1, в подгруппе МО больше выражен компонент F2, а подгруппу РС больше характеризует компонент F3.

Для выявления сопряженностей между множествами зависимых и номинальных независимых переменных мы использовали также **процедуру CHAID**, позволяющую проводить качественный анализ данных [20]. На основании результатов была построена дендрограмма (дерево классификации), которая показывает порядок селекции признаков по критерию χ^2 на достоверно различающи-

еся подмножества. С помощью дендрограммы была четко выделена группа ИГ2, которая отличалась характерной только для неё совокупностью признаков. Также по дендрограмме выделена совокупность признаков, характерная для детей группы ИГ2 и подгруппы МО, которые говорят о том, что детей данных групп характеризует телесная рассогласованность, чувство нескоординированности, нарушение соотношения и координации главных измерений образа тела: целостности, пластичности, явно выражена неадекватность телесной интеграции.

Для определения достоверности связи полученных результатов с исследуемыми группами и получения возможности определенного рода прогноза нами был проведен **номинальный регрессионный анализ** [20]. Результаты показали достоверность связи полученных результатов с выделенными группами (КГ – 100%, МО – 100%, РС – 96%, ОТЧ – 88.9%). Общая связанность полученных данных выделенными группами определяется в 96.8 %, что говорит о том, что полученные данные надежны и различия характерны именно для выделенных групп.

Таким образом, анализ полученных данных позволил выделить **особенности образа тела**, характерные для детей, имеющих разный по длительности опыт отцовской депривации, и отличающие их от детей из полных семей.

Образ тела у детей *исследуемой группы ИГ1* (куда вошли дети, имеющие разный по длительности опыт отцовской депривации: подгруппы МО, РС, ОТЧ) менее дифференцирован, телесные границы неустойчивы, что свидетельствует о низком контроле своего внутреннего пространства, у них встречается выход за телесные границы, выраженная акцентуация на функциях барьерности и проницаемости границ.

Сравнение результатов внутри исследуемой группы ИГ1 показал, что наиболее выраженные искажения образа тела характерны для детей, *воспитывающихся с рождения только матерью (МО)*. Только у детей данной группы отмечается в образе тела нарушение координации главных измерений образа тела: симметрии и интеграции. Вероятно,

функция контроля телесных переживаний у детей группы МО нарушена, что приводит к малой осознанности своих телесных импульсов и возможности их контролировать. Также данные выявили особую структуру телесной границы, заключающуюся в недостаточности барьерности и высокой степени проницаемости. Такой тип границы отличается повышенной чувствительностью к напряжениям от влечений и внешних стимулов и слабой защитой от них. Исходя из того что ребенок в период младенчества находится в симбиотических отношениях с матерью и связан с ней телесно, можно предположить, что отсутствие отца лишь косвенно влияет на формирование телесности ребенка в этом возрасте. Однако затем отец, разбивая симбиотические отношения между матерью и ребенком, способствует установлению телесных границ, границ между Я и другим, Я и социумом. Следовательно, отсутствие фигуры отца замедляет процесс сепарации и установления собственных границ.

Также важными являются выявленные отличия в построении возрастной идентификационной последовательности, а именно, нарушение интеграции представлений о себе во временной перспективе. Интересно, что нарушения в идентификации возрастной последовательности значимо чаще встречаются у детей, воспитывающихся в условиях отцовской депривации в младенческом и раннем возрасте (дети групп МО, ОТЧ, ИГ2).

Главной характерной особенностью детей, *имеющих опыт отцовского влияния (РС и ОТЧ)*, отличающей их от детей из полных семей, и детей, проживающих без отца с рождения (МО), является нарушение целостности телесной границы. Данная особенность проявляется как чувство незащищенности и открытости, уязвимости, желание себя защитить, что отражается у детей данных групп в гипертонусе телесных мышц и акцентуации на функции барьерности границы. Возможно, развод родителей, прерывание значимых отношений с отцом (РС) или необходимость построения отношений с отчимом (ОТЧ), т. е. появление ситуаций, потенциально угрожающих самооценке и идентичности ребенка, сопровождается внутренней тревогой, беззащитно-

стью, которая проживается в теле и приводит к повышенной проницаемости собственных границ. В ситуации с отчимом может быть и противоположная реакция ребенка – повышение барьерности границ, если ребенок готов отстаивать себя, или если отчим воспринимается как фигура защиты, а ребенок начинает испытывать положительное внимание к себе. Похожие данные приводятся С. Фишером. К сожалению, из-за рамок статьи мы не можем на этом остановиться.

Интересно заметить, что отсутствие отца на протяжении **всех шести лет** приводит к **проницаемости** телесной границы ребенка, но не нарушает ее целостности (МО), а **развод** или появление **отчима**, т. е. изменение ситуации взаимодействия со взрослым, исчезновение или появление значимой фигуры **приводит к нарушению целостности** телесной границы. (Эти данные, с нашей точки зрения, требуют еще специального осмысления.)

Также были выявлены особенности, характерные только для детей, *проживающих с отчимом (подгруппа ОТЧ)*. В отличие от детей других групп (КГ, МО, РС, ИГ2), для которых характерна гибкая стратегия построения контакта с миром, дети, воспитывающиеся до трех лет без отца, склонны к однонаправленной стратегии контакта с миром, а именно стратегии избегания контактов. Возможно, появление мужской замещающей отцовской фигуры в период установления собственных границ Я, изменение устоявшихся взаимоотношений с матерью, страх неизвестности влечет за собой травматические переживания и застревание на препятствии, избегание неудачи.

Следует отметить особенность, *отличающую детей группы МО и ОТЧ*, т. е. тех, которые первые три года воспитывались только матерью: выход за свои телесные границы (значимо частый выход за границы фигуры в методике «Гомункулус»), отторжение, проецирование части себя вовне, все это свидетельствует о неадекватном расширении границы Я, выносимой за пределы фактических границ тела. Можно предположить, что отсутствие отца в первые годы жизни, который имеет свой специфичный способ означивания проявлений ребенка и который несет в себе правила и законы социума, отличный от мате-

ри способ взаимодействия, искажает восприятие ребенком своего внутреннего пространства. Поскольку на втором году жизни отец, который должен разбивать симбиоз матери и ребенка, не появляется, это может привести к тому, что граница между Я и другим не будет сформирована, границы между ребенком и матерью останутся проницаемыми.

Заметим, что примененные нами методики дали возможность получить представления не только об образе тела, но и об образе-Я детей исследуемых групп. Понятия эти находятся в тесной связи, образ тела рассматривается нами как составляющая образа-Я. Однако из-за ограничений по объему данные по образу-Я не были включены в настоящую статью.

По той же причине в статью не вошли данные по группе детей из детских домов (ИГ2), которые воспитывались с момента рождения без матери и отца. Эта группа принципиально отличается от других групп детей, участвующих в исследовании, так как их психическое развитие происходило не только под влиянием отсутствия отца, но и под влиянием более сильного фактора – отсутствия матери. Заметим лишь, что по всем использованным методикам были получены статистически значимые различия между группой ИГ2 и группой ИГ1, а также контрольной группой. Именно в группе ИГ2, как и следовало ожидать, обнаружены наиболее существенные негативные особенности образа тела. Так, лишь для группы ИГ2 характерны нарушения актуальной половозрастной идентичности. Важно также, что при сравнении группы ИГ2 с подгруппами МО, РС и ОТЧ наиболее близкими по характеристике образа тела оказались группы ИГ2 и МО, что подтверждает значимость фигуры отца в формировании образа тела.

Итак, исследование образа тела у детей, воспитывающихся без отца в разные периоды детства, позволило говорить о следующих особенностях образа тела.

1. Для детей, воспитывающихся без отца с рождения, только матерью, характерны неустойчивость и проницаемость телесных границ, нарушение представлений о себе во временной перспективе, нарушение координации главных измерений образа тела (симметрии и интеграции), слабая связь между сфе-

рой контроля и сферой влечений, т. е. регуляция телесных функций не сформирована.

2. Для детей, воспитывающихся без отца в младенческом и раннем возрасте (подгруппа ОТЧ), характерны: нарушение представлений о себе во временной перспективе; целостности телесной границы, барьерная функция границы акцентуирована, часто встречается выход за свои телесные границы, отторжение, проецирование части себя вовне, этим детям свойственна также такая стратегия построения контакта с миром, как избегание контактов.

3. Для детей, воспитывающихся без отца с трех лет (подгруппа РС), характерны нарушение целостности телесной границы, акцентуация на функции барьерности границы.

Таким образом, полученные в настоящем исследовании результаты можно рассматривать как подтверждение теоретических положений, существующих в психологии, о роли отца в психическом развитии ребенка, и дают представление о неясных телесных изменениях в образе Я детей, воспитывающихся без отца в различные периоды детства.

Литература

1. Арина Г.А., Николаева В.В. Психология телесности: методологические принципы и этапы клинико-психологического анализа // Психология телесности между душой и телом. М., 2005.
2. Асанова И.К. Пресуицидное состояние у девочки-подростка: нарушение образа тела и роль отца // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 2.
3. Барьерность и проницаемость телесной границы. Пер. с англ. М.Л. Мельникова. Ижевск, 2005.
4. Белопольская Н.Л., Иванова С.Р., Свистунова Е.В. Самосознание проблемных подростков. М., 2007.
5. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание: пер. с англ. / Р. Бернс. М., 1986.
6. Бескова Д.А., Тхостов А.Ш. Телесность как пространственная структура // Психология телесности. М., 2005. Бион У.Р. Научение через опыт переживания. М., 2008.
7. Бион У. Р. Научение через опыт переживания. М., 2008.
8. Венгер А.Л. Психологическое консультирование и диагностика: В 2-х ч. Ч. 2. М., 2001.
9. Винникотт Д.В. Психо-соматическое заблуждение в позитивном и негативном аспекте // Журнал практической психологии и психоанализа. 2003. № 3.
10. Дольто Ф. Бессознательный образ тела. Ижевск, 2006.
11. Евсеенкова Ю.В., Портнова А.Г. Система отношений в диаде «отец-ребенок» как фактор развития личности // Семейная психология и семейная терапия. 2003. № 4.
12. Зубова Г.Г. Роль отца в социальной ситуации развития ребенка-дошкольника // Как помочь ребенку войти в современный мир? / Под ред. Т.В. Антоновой. М., 1995.
13. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. М., 2011.
14. Кляйн М. Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни младенца // Кляйн М., Айзек С., Райвери Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе. М., 2001.
15. Коваленко Н.А. Эмоциональный и телесный опыт ребенка с бронхиальной астмой: Автореф. дисс. канд. психол. наук. МГУ, 1998.
16. Лакан Ж. Образования бессознательного. Семинары. Книга 5. М., 2002.
17. Малер М. Психологическое рождение человеческого младенца. М., 2011.
18. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность. Екатеринбург, 2007.
19. Соколова Е.Т. Я-образ тела // Психология самосознания / Под ред. Д. Я. Райгородского. Самара, 2003.
20. Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных. Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. М., 2000.
21. Туманова Е.В., Филиппова Е.В. Образ отца и образ себя у подростков // Психологическая наука и образование. 2007. № 2.

22. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М., 2002.
23. Фрейд А. Норма и патология детского развития // Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов. СПб., 2000.
24. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательно-го. СПб., 2004.
25. Цветков А.В., Миронов Д.И. Когнитивные и аффективные компоненты «образа-Я» у младших школьников [Электронный ресурс] // URL: <http://www.teoria-practica.ru/-2-2012/psychology/tsvetkov-mironov.pdf> (дата обращения 2.07.13).
26. Etchegoyen A. Psychoanalytic ideas about fathers / Trowell J., Etchegoyen A. (eds). The importance of fathers. Hove, 2002.
27. Marks M. Letting fathers in / Trowell J., Etchegoyen A. (eds). The importance of fathers. Hove, 2002.

Features of the body image in preschool children raised without father in different periods of their childhood

N. M. Gorshkova,

*Post-graduate Student, Chair of Child and Family Psychotherapy,
Moscow State University of Psychology and Education*

E. V. Filippova,

*PhD in Psychology, Professor, Head of Chair of Child and Family Psychotherapy,
Department of Psychological Counseling, Moscow State University of Psychology
and Education*

We describe the impact of paternal deprivation of varying duration on the formation of body image in preschool children. We present the results of comparative analysis of the body image in children from intact families, children brought up only by mother (without a father from birth), in children who lived with their father and mother until the age of three (in divorced families), in children who lived with their mother and without a father until the age of three (and then with a stepfather), and in children living without their parents throughout childhood (brought up in an orphanage). We describe the revealed features of the body image and self-image in children from different types of families. We show the specificity of the influence of period during which the child was brought up without a father, on the image of the child's body. The results can be used to develop counseling and correctional programs for families and children in order to reduce the traumatic impact of paternal deprivation on the self-image in preschool children.

Keywords: body image, physical boundaries, father's figure, paternal deprivation, development periods.

References

1. *Arina G.A., Nikolaeva V.V.* Psihologija telesnosti: metodologicheskie principy i jetapy kliniko-psihologicheskogo analiza // Psihologija telesnosti mezhdu dushoj i telom. M., 2005.
2. *Asanova I.K.* Presuicidnoe sostojanie u devochki-podrostantka: narushenie obraza tela i rol' otca // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2007. № 2.
3. Bar'ernost' i pronicaemost' telesnoj granicy. Per. s angl. M.L. Mel'nikova. Izhevsk, 2005.
4. *Belopol'skaja N.L., Ivanova S.R., Svistunova E.V.* Samosoznanie problemnyh подроstantkov. M., 2007.
5. *Berns R.* Razvitie Ja-koncepcii i vospitanie: per. s angl. / R. Berns. M., 1986.
6. *Beskova D.A., Thostov A.Sh.* Telesnost' kak prostranstvennaja struktura // Psihologija telesnosti. M., 2005. *Bion U.R.* Nauchenie cherez opyt perezhivaniya. M., 2008.
7. *Bion U.R.* Nauchenie cherez opyt perezhivaniya. M., 2008.
8. *Venger A.L.* Psihologicheskoe konsul'tirovanie i diagnostika: V 2-h ch. Ch. 2. M., 2001.
9. *Vinnikott D.V.* Psiho-somaticheskoe zabelevanie v pozitivnom i negativnom aspekte // Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza. 2003. № 3.
10. *Dol'to F.* Bessoznatel'nyj obraz tela. Izhevsk, 2006.
11. *Evseenkova Ju.V., Portnova A.G.* Sistema otnoshenij v diade «otec-rebenok» kak faktor razvitija lichnosti // Semejnaja psihologija i semejnaja terapija. 2003. № 4.
12. *Zubova G.G.* Rol' otca v social'noj situacii razvitija rebenka-doshkol'nika // Kak pomoch' rebenku vojti v sovremennyj mir? / Pod red. T.V. Antonovoj. M., 1995.
13. *Kalina O.G., Holmogorova A.B.* Rol' otca v psihicheskom razvitii rebenka. M., 2011.
14. *Kljajn M.* Nekotorye teoreticheskie vyvody, kasajushhiesja jemocional'noj zhizni mladencja // Kljajn M., Ajzeke S., Rajveri Dzh., Hajmann P. Razvitie v psihoanalize. M., 2001.
15. *Kovalenko N.A.* Jemocional'nyj i telesnyj opyt rebenka s bronhial'noj astmoj: Avto-ref. diss. kand. psihol. nauk. MGU, 1998.
16. *Lakan Zh.* Obrazovanija bessoznatel'nogo. Seminary. Kniga 5. M., 2002.
17. *Maler M.* Psihologicheskoe rozhdenie chelovecheskogo mladencja. M., 2011.
18. *Muhina B.C.* Lichnost': Mify i Real'nost'. Ekaterinburg, 2007.
19. *Sokolova E.T.* Ja-obraz tela // Psihologija samosoznanija / Pod red. D. Ja. Rajgorodskogo. Samara, 2003.
20. *Tolstova Ju.N.* Analiz sociologicheskikh dan-nyh. Metodologija, deskriptivnaja statistika, izuchenie svjazej mezhdu nominal'nymi prizna-kami. M., 2000.
21. *Tumanova E.V., Filippova E.V.* Obraz otca i obraz sebja u подроstantkov // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2007. № 2.
22. *Thostov A.Sh.* Psihologija telesnosti. M., 2002.
23. *Frejd A.* Norma i patologija detskogo razvitija // Detskaja seksual'nost' i psihoanaliz detskih nev-rozov. SPb., 2000.
24. *Frejd Z.* Tri ocherka po teorii seksual'nosti // Frejd Z. Psihologija bessoznatel'nogo. SPb., 2004.
25. *Cvetkov A.V., Mironov D.I.* Kognitivnye i af-fektivnye komponenty «obraza-Ja» u mladshih shkol'nikov [Jelektronnyj resurs]// URL:<http://www.teoria-practica.ru/-2-2012/psychology/tsvetkov-mironov.pdf> (data obrashhenija 2.07.13).
26. *Etchegoyen A.* Psychoanalytic ideas about fathers / Trowell J., Etchegoyen A. (eds). The im-portance of fathers. Hove, 2002.
27. *Marks M.* Letting fathers in / Trowell J., Etche-goyen A. (eds). The importance of fathers. Hove, 2002.